

К 100-летию со дня
рождения А. А. БЛОКА

ДОРОГОЕ ИМЯ

В КАКОЙ-ТО МЕРЕ предлагаемую публикацию можно было бы назвать... «Александр Блок и Абхазия».

Но всем известно, что великий поэт никогда не был не только в Абхазии, но и вообще на Кавказе. Дело в том, что после смерти Блока один из его сподвижников, поэт-символист В. И. Стражев (1879—1950), живший в Сухуме с 1916 по 1927 годы, написал здесь свои воспоминания о нем. И вот не так давно неопубликованную рукопись этих воспоминаний нам передала дочь В. И. Стражева — профессор И. В. Стражева-Янгель.

ЭТИХ МОЛОДЫХ людей, почти ровесников, объединяло многое. Оба начинали как актеры, прекрасно декламировали стихи Майкова, Фета, Полонского, Апухтина... А литературные критики того времени усматривали, что в стихах Виктора Стражева есть «нечто от Блока».

Они познакомились на многолюдном вечере в Петербурге осенью 1906 года. Об этом первом впечатлении В. И. Стражев рассказывает в своих «Воспоминаниях о Блоке».

«...Блок сидит почти против меня по другую сторону длинного стола, за которым жуют и пьют именные и неименитые, громкие и тихие поэты и прозаики — планеты, кометы и аэролиты тех лет. Помню: с какой-то безвольностью я ткнулся к нему, больше всего к нему... Но совети мог бы я тогда признаться, что влюбился в него, т. е. делю участь многих современников. Все время я подглядываю Блока, украдкой слезу за его сдержанными жестами, ловлю его слова, долетающие до меня в шум застольных разговоров. Мой сосед справа, А. И. Куприн, трогает меня локтем и, указывая малозаметным движением руки на Блока, тихо спрашивает: — Кто этот молодой человек?

— Блок... — так же тихо отвечаю я.

— Это Блок? — с каким-то неожиданным для меня удивлением переспрашивает Куприн и, забыв про свою тарелку, внимательно смотрит на Блока.

Кто-то предложил, когда кончилось «столование», просить Блока читать стихи... и, конечно, «Незнакомку», уже прославленную жемчужиной его стихов, впервые — и еще недавно — просиявшую на «средах» у Вячеслава Иванова. И Блок читал.

На бедом глянце изразцовой печки, занимавшей весь угол комнаты, рельефно отсканилась его фигура в строгом изыске контуров. Он стал как будто выше, чем был на самом деле. С заложеными позади руками, чуть запрокинув голову, стоял он, прислонившись спиной к печке, и, выжидая тишины, смотрел, смотрел, казалось, в ту даль, куда улетаю его лицо, где ожидало творимое им видение, о котором вот-вот зазвучат его стихи. И когда застыла в комнате тишина, он начал: — «По вечерам над ресторанами...».

Читал он негромко, глуховатым голосом, укрощая, ту внутреннюю взволнованность, которая передавалась, покоряя слух не модульными голосами, а самым ритмом льющейся строки.

Кончил. Посмотрел вопрошающими глазами. По лицу скользнула застенчивая улыбка, которую можно было понять: «Но разве я виноват, что то, что я прочел, так хорошо?».

Кто-то от удовольствия крикнул. Двое-трое аплодировали.

В шепоте и глазах других было общее одобрение. Блок оторвался от изразцов, слегка наклонился в сторону сидевшего недалеке на диване И. А. Буннина и сказал почти с робостью ученика, облекая в нее изысканную и тонкую учтивость младшего к старшему, что ему очень бы хоте-

лось услышать мнение Ивана Александровича.

Бунин очень похвалил стихи и заговорил о том, что не может примириться с отходом от строгости классической рифмовки в поэзии новых поэтов в сторону рифм приблизительных и неточных. Мягко, но, видимо, с полной убежденностью, пользуясь полупросителями и фразами, Блок, ставший, как известно, одним из канонизаторов неточной рифмы, стал защищать ее допустимость. Он сказал, что прежде всего ценит в рифме ее органичность, ее смысловое содержание, и с мелькнувшей улыбкой признался, что ему нравятся его органические рифмы — «ресторанами — пьяными».

ВО ВТОРОЙ и в последний раз Блок и Стражев встретились зимой 1906—1907 г.г. в Москве. Тогда было задумано издание литературного сборника «Корабли» в пользу разбитого параличом писателя Николая Ефимовича Полякова, участника ряда изданий символистского автора книжечки «Поэты наших дней». Участие в «Кораблях» приняли В. Иванов, В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, М. Кузмин, И. Бунин, А. Белый, А. Блок, Б. Зайцев, В. Стражев и другие поэты.

Н. Е. Поляков и В. И. Стражев были очень дружны. И вот в один из зимних дней Николай Ефимович пригласил Виктора Ивановича к себе.

— Сейчас придут Вячеслав Иванов и Александр Блок! — сообщили Стражеву, едва он вошел.

«За чаем В. И. и Блок, — вспоминает Виктор Иванович, — читали себя и что-то еще стихи, привезенные ими от петербургских поэтов. Блок прочел: «Брату», «Незнакомка», «Дева Млечного пути» и т. д., то, что отдавал он в сборник. Читал и В. И. Иванов».

На этот раз Блок показал мне немного иным, каким-то внутренне озабоченным. Но магнитная сила его была для меня та же... В. И. предложил ему, справедливо полагая доставить этим отменное наслаждение Н. Е.-чу, прочесть... ну, разумеется, «Незнакомку».

Блок не заставил повторить просьбу — читал. Зная эти стихи наизусть, снова слыша их в чтении самого Блока, я не почувствовал такого же впечатления, какое осталось у меня при первой встрече на вечере в Петербурге. Мне показалось, что поэт уже устал читать свой шедевр.

Потолковав о «Кораблях», о каких-то злободневных литературных новостях, петербургские гости заторопились куда-то и, попрощавшись, ушли...».

В ОКТЯБРЕ 1906 года А. Блок познакомился с актрисой Натальей Николаевной Волоховой, работавшей с Мейерхольдом и Комиссаржевской. Итогом этого бурного увлечения поэта явился сборник стихов «Земля в снегу», вышедший в июле 1908 года. Интересно, что первым откликнулся на книгу великого поэта Стражев. Это становится ясным из письма, датированного 14 сентября того же года:

«Многоуважаемый Виктор Иванович. Спасибо Вам за Ваши милые слова — первый отзыв о «Земле в снегу», какой я слышал, очень приятен для меня. Посылаю Вам маленькое стихотворение для «Северного Сияния», которое очень меня интересует. Жалею только, что «без полтинника», знаю, впрочем, что теперь за асику поэтичку счи-

пают. И все-таки очень мечтаю о большом журнале с широкой общественной программой, «внутренними обозрениями» и т. д. Уверен, что теперь можно осуществить такой журнал для очень широких слоев населения и с большим успехом... если бы не правительственное... Я сейчас в дороге (Л. С. Шахматов), а к 1 октября примерно вернусь в Петербург... Если успеете, напишите мне для слуха сюда. Искренне уважающий Вас Александр Блок».

Журнал «Северное Сияние» осенью 1908 года задумала издавать В. Н. Бобринская, и Стражев был приглашен заведовать в нем литературным отделом. Изданием журнала, его программой руководили также известные деятели культуры, как художник и искусствовед, глава и идеолог группы «Мир искусства» А. Н. Бенуа, известный литературный критик Ю. И. Айхенвальд, художник И. Я. Билибин...

В связи с этим хочется напомнить, что очень близок «мирискусникам» был первый абхазский профессиональный художник А. К. Шервашидзе-Чачба. В 1918 году он приехал в Сухум, где с помощью теоретика театра Н. Евреннова и актрисы Н. Бутковской основал «Театральное содружество». Так, газета «Наше слово», выходившая в Сухуме, сообщала в 1919 году: «25 февраля в театре Алоизи состоялось бал-маскарад... Редакционная коллегия еженедельной газеты «Колосок» в составе Н. И. Бутковской, В. И. Стражева и А. К. Шервашидзе». Вполне возможно, что В. Стражев был знаком с А. Шервашидзе-Чачба еще задолго до переезда в Абхазию в 1916 году. Интересно, что абхазский художник упоминается и Александром Блоком...

Однако «Северное Сияние» успеха не имело и через год перестало существовать. Осталось лишь несколько номеров этого журнала. В одном из них можно отыскать то «маленькое стихотворение», которое Блок послал Стражеву. Оно посвящено Наталье Волоховой. Вот как описывает ее Андрей Белый:

«Волохова — очень тонкая, бледная и высокая, с черными, длинными и мучительными глазами... с руками худыми и узкими, с очень поджатыми губами, с ослиной талией, черноволосая, во всем черном... Александр Александрович ее явно боялся; был очень потуглен с нею... Мое впечатление от Волоховой: слово «темное» с нею вязалося всякма, что-то было в ней «темное». Мне она не понравилась».

К началу февраля 1908 г. относительно обращение к Волоховой стихотворение «Она пришла с мороза», а 1 марта Наталья Николаевна уезжает в Москву. Блок едет следом за нею. Здесь между ними происходит долгое и напрасное объяснение. Известный исследователь жизни и творчества Александра Блока Владимир Орлов в книге «Гамарюн» отмечает, что «памятиком этой встречи остался один из лирических шедевров Блока».

Произведение долго обрабатывалось и исправлялось. Вскоре Волохова переехала в Петербург. Они встретились холодно. Блок записал: «Не было любви, была влюбленность». И все же в сентябре он посылает Виктору Стражеву новый вариант этого стихотворения, которое очень его «интересует». Стражев выполнил просьбу поэта. Во втором номере журнала «Северное Сияние» за декабрь 1908 года опубликовано «Воспоминание» Блока. Оно, видимо, представляет собой последнюю редакцию произведения, названного ранее по его первой строчке «Я помню длительные муки» и написанного поэтом между 4 марта и 14 сентября. В отличие от весеннего варианта стихотворение состоит не из четырех, а из шести строф.

Я помню горестные муки: Ночь догорала за окном. Твои заомленные руки Чуть брезжили в луче дневном. Я помню — вся ты, понинал,

В углу дивана замерла. А там, как призраки, возрастая,

День обозначил купола...

И под окошком участились Прохожих быстрые шаги,

И в серых лужах расходились Под каплями дождя — круги...

О, никогда так скудно-светел День не вставал, как в этот час!

И я не понял, не заметил Всей глубины огромных глаз...

И ты потом сама дивилась, Когда совсем угасла страсть, Ному так трепетно молилась,

Чья над тобой вставала власть... Сама не знала ты, откуда

Цветок тоски свой лик вознес, Как разрешилось это чудо

Весенним ливнем бурных слез.

4 НОЯБРЯ 1921 года в столице молодой Абхазской республики состоялся вечер, посвященный памяти Блока. В переполненном зале театра звучали слова:

Миллионы вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы мы! Да, азиаты — мы, С раскосыми и жадными очами!

Александра Блока уже не было — стихи его жили. Газета «Голос трудовой Абхазии» писала тогда: «Интересными в литературном отношении были два доклада В. И. Стражева и Л. М. Римского... Была дана и литературная иллюстрация в наиболее характерных для поэта произведениях, переданных мастерски: Стражевым в лирической части с присущими этой стороне творчества поэта элегичностью и тихой мечтательностью, и Римским, сумевшим чуткой «Двенадцати» и «Скифов»... оттенить всю ширь... темперамента поэта в революционном устремлении его пророческого духа».

Виктор Стражев, живший теперь в Сухуме, не принял «Скифов» Блока. Но даже это не смогло поколебать любовь Виктора Ивановича к Блоку-лирику.

«Я жил на Кавказе, в Сухуме, — вспоминал Стражев. — В жаркий августовский день 1921 года шел я по улице и заметил на стене дома свежий квадратик бумаги. Экстренная телеграмма. Подошел и прочел. Телеграмма сказала: умер Блок. Я перечел еще раз: так ли? Да, так. Понурившись, побрел. Встретил знакомого. — Что с вами? Вы плачете? — удивленно спросил он. — Что ж. Мне и сейчас не стыдно этих слез. Блок ушел. Но остался одним из духовных спутников, тайной радостью...».

Прошло много лет. В память о великом поэте душа Стражева отзывалась стихами: Розы радости — страданья В сердце блеклый лепесток. В темной памяти сияньем Голубое имя — Блок! Мир был душен. Мир был тесен. Выла пьяная пурга. Но тоска метельных песен И донные дорожки В них томилось и молилось, Вера в некий добрый срок. То, что в злую ночь лучилось Кратким, светлым словом — Блок. С. ЛАКОВА.